

СОЛЯНЫЕ БУНТЫ В КИЕВЕ И МОСКВЕ
ВОЙНА ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
БУНТЫ ОТПЕПЕЛИ И ЭПОХИ ЗАСТОЯ
МАЙДАН

Лин фон Паль
РУССКИЙ БУНТ
Все смуты, мятежи, революции

«Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный.
Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоты
и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые,
коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

А. С. Пушкин

Лин фон Паль

Русский бунт. Все смуты, мятежи, революции

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8371581
Русский бунт. Все смуты, мятежи, революции / Лин фон Паль.: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085890-3

Аннотация

Сколько было в российской истории бунтов, восстаний, мятежей, «нестроений»? Кто вставал во главе недовольных? И как с народным недовольством боролись в разные исторические эпохи?

Как использовали его для достижения власти те, кто ставил эту самую власть заведомо выше народного блага? И когда началось недовольство людей существующей властью?

И может ли вообще власть быть для своего народа благом?

Чтобы ответить на эти и другие вопросы автор приглашает вас совершить экскурс в отечественную историю и посмотреть на эту историю с точки зрения цивилизованного жителя современной России, который имеет представление о правах человека и гражданина.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Эпоха бунтов	6
Майдан обиженной души	6
Первый русский бунт	7
Год 945. Восстание в Искоростене	12
Волки против овец	17
Средство усмирения – вера	18
Год 988. Насильственное крещение Киева	20
Год 989. Насильственное крещение Новгорода	22
Смуты волхвов	24
Структура древнерусского общества	26
Год 1015. Новгородское восстание против Ярослава Мудрого	28
Год 1018. Антипольское восстание в Киеве	30
Год 1068. Восстание против Ярославичей	31
Год 1113. Соляной бунт в Киеве	34
Год 1146. Киевское восстание против Ольговичей	36
Вечевая демократия	37
Год 1136. Новгородский бунт против Всеволода Мстиславича	39
Год 1161. Новгородский бунт против Святослава Ростиславича	40
Год 1174. Боярский бунт против Андрея Боголюбского	42
Годы 1173–1187. Заговор бояр галицких	45
Год 1238. Восстание галичан против бояр	47
Год 1237. Народное сопротивление монголам	48
Год 1255. Новгородский бунт против переписи населения	49
Год 1327. Тверской бунт	51
Год 1316. Восстание новгородцев против Михаила Ярославича	53
Год 1381. Восстание в Москве и взятие города Тохтамышем	55
Крамола литовская	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лин фон Паль

Русский бунт. Все смуты, мятежи, революции

Предисловие

Историю, как известно, пишут победители. В смысле государственном история любой страны всегда писалась только в пользу ее правящей власти. Достижшие высшего властного статуса (при жизни) удостоивались всяческих похвал, а их поверженные противники – всяческого поношения. Наша отечественная история написана точно по такому же принципу – восславить победителей и уязвить побежденных. И сколько бы замечательных слов ни сказали летописцы или придворные сочинители во славу своих хозяев, за кадром практически полностью оставалась история униженных и оскорбленных, то есть той народной массы, которая была необходима победителям лишь для одного – для их экономического процветания. Народ не был героем пишущей братии вплоть до 19 столетия. И события в жизни народа не интересовали историков примерно до этого же времени. Точнее, были некоторые события в той, неинтересной для просвещенной публики народной жизни, которые люди благородного происхождения брезгливо именовали *бунтами*. Считалось, что любое народное движение, если оно не направлено на защиту и упрочение сложившейся властной структуры, всегда опирается на *крамолу* (другое, тоже очень хорошее слово, которое сразу же объясняет причину государственных неурядиц). Крамолы в нашем отечестве именовалось все, что не отвечает верноподданническим настроениям. И крамолу требовалось изводить, то есть уничтожать.

Как? Способов было множество, и все – репрессивные. Так вот и существовали всегда параллельно Русь официальная и Русь крамольная. И Русь официальная начинала замечать Русь крамольную только в те моменты истории, когда народ доходил до скотского обнищания и брал в руки подручный инвентарь вроде вил и кос, потому что никакие иные способы уведомления о бедственном его положении ушей высокопоставленных чиновников не достигали. И неважно, был ли это какой-то министр просвещенного 19 столетия или же средневековый душегуб периода феодальной раздробленности. К своему народу эти облеченные властью граждане относились совершенно одинаково как в 8 или 12, так и в 19 или 20 веке. Любое недовольство народа эти властители воспринимали только как крамолу, которую нужно извести.

Правда, в 20 веке само слово «крамола» употреблять практически перестали, а революционный новояз изобрел (точнее, заимствовал из протоколов французского революционного Конвента) другое определение – «враг народа». А когда во время хрущевской оттепели вместе с культом личности испарились и нововведения сталинского времени, явились на свет иные чудесные словечки – «антисоветчики» и «диссиденты». Уже после развала Советского Союза и становления новой государственности на свет явилось и вовсе аморфное словосочетание – «протестное движение». Но власть имущие прекрасно знали и знают, что и «враги народа», и «антисоветчики и диссиденты», и даже «участники протестных движений» по сути – все те же крамольники, то есть люди, недовольные жизнью в отмеренных им властными умами рамках – политических, религиозных или же экономических.

Сколько же было в нашей истории бунтов, восстаний, мятежей, «нестроений»? Кто вставал во главе недовольных? Как с народным недовольством боролись в разные исторические эпохи? Как использовали его для достижения власти те, кто ставил эту самую власть

заведомо выше народного блага? И когда началось недовольство людей существующей властью? И когда завершится? И может ли вообще власть быть для своего народа – благом? Чтобы ответить на эти вопросы, я предлагаю совершить экскурс в отечественную историю и посмотреть на эту историю не с точки зрения важного государственного мужа, который видит в недовольных только причину для применения репрессивных мер, и не с точки зрения дикого представителя толпы, легко впадающего в тот тип бунта, который великий Пушкин назвал бессмысленным и беспощадным, а с точки зрения вполне цивилизованного жителя современной России, который наслышан о гуманитарных ценностях и имеет представление о правах человека и гражданина. С иных позиций я не вижу никакого смысла писать книгу о крамольной моей стране.

Глава 1. Эпоха бунтов

Майдан обиженной души

Уж чем-чем, а бунтами отечественная история не обижена. И не нужно далеко ходить за примерами: совсем недавно, кажется, многотысячная толпа с белыми лентами вышла в Москве на Болотную площадь, а практически вчера – другая толпа возводила баррикады и стояла против власти на киевском Майдане. Мне, конечно, могут тут же возразить – толпа-то бунтовала украинская, а не отечественная! Но всего лет двадцать назад и Москва, и Киев были одной страной, люди жили в едином государстве. И вряд ли за эти двадцать лет они так уж переменялись, что стали различаться как, скажем, французы и папуасы. Нет, они – все те же россияне и украинцы, и даже история у них не изменилась – все та же история Киевской Руси, Московского царства, Российской империи, Советского Союза. Нынешним Украине и России всего-то двадцать с небольшим лет.

Но как, однако, различаются протесты в Москве и протесты в Киеве! Московские – благонамеренные, больше похожие на народные гуляния. Киевские – яростные, не боящиеся столкновений с милицией, на пике эмоций. Московские – соблюдающие черту между «разрешено» и «запрещено». Киевские – не желающие видеть этой черты: одна постройка катапульты для метания «коктейлей Молотова» чего стоит! Конечно, и вполне благонадежная акция с ограниченным количеством участников (иначе – штраф!) тоже может перерасти в бунт. Но скажите на милость, на какой бунт просят разрешения у власти? А в Москве (и по всей России) картина именно такая: «бунтовать» народ ходит с разрешения тех, против кого «бунтует». В Киеве же Майдан образовался стихийно: зарвалось правительство, нарушило обещания – получайте Майдан. Одним словом: «Геть!»

Сами украинцы часто называют свой Майдан тем, что он и есть на самом деле. А он – народное вече. «Геть!» – это и есть приговор народного веча: скинуть дрянную власть, как в старые добрые... то есть феодальные времена. Вот где корни нынешнего Майдана! И, по чести сказать, первый Майдан был вовсе не при Кучме, и даже вовсе не в Киеве. А в девятом веке от Рождества Христова в Новгородской земле. Не знаю, что тогда кричали новгородцы возмущившей их власти, явно не «геть», но в руках они держали оружие и бились со своей властью насмерть. А потом? А потом пожинали плоды народного бунта – то есть новую власть или усовершенствованную старую. И жили себе дальше, до нового «Майдана» и нового «геть». И так – по кругу, по кругу, по кругу...

Сперва «гетькали» местную феодальную власть, потом – московскую княжескую и царскую, потом имперскую, потом советскую, потом...

Первый русский бунт

Страсти по Вадиму

В середине 18 столетия историк Василий Татищев открыл для широкой публики мир русских летописей. Первейшей почитательницей летописного наследия стала сама императрица Екатерина Великая. Эта просвещенная монархиня прочла новгородскую Никоновскую летопись и весьма заинтересовалась событиями далекого 9 века. На основе буквально пары летописных строчек под монаршим пером родилось «Историческое представление из жизни Рурика. Подражание Шакеспиру, без сохранения театральных обыкновенных правил». Вполне понятно, что легендарный основатель правящего дома мог быть только мудрецом и героем. А в оппоненты ему императрица дала некоего Вадима новгородского, которого обрисовала как недостойного соперника, желавшего ради собственного честолюбия отнять у законного правителя его законную власть. Вадим был, само собой, нарисован самыми черными красками. Он взбунтовал против Рюрика-освободителя новгородский народ и пошел на благодетеля войной. Но Бог не дал свершиться злодейству, Вадим проиграл. И в конце поучительной истории раскаявшийся крамольник припадал к ногам Рюрика и выражал самое искреннее смирение. Распря между Рюриком и Вадимом завершалась божественным хеппи-эндом.

Пьеса Екатерины на сцене сыграна не была, но, очевидно, получила известность при дворе. И это монаршее «подражание Шакеспиру» умудрился прочесть надворный советник и поэт Яков Княжнин. Воспитанный на литературе эпохи Просвещения, в своих чувствах он был оскорблен. И сочинил пьесу в ответ, где сделал Вадима новгородским героем, а Рюрика – невольным узурпатором законной власти. Свой ответ Екатерине он написал, по несчастью, в 1789 году, точнехонько в канун Великой французской революции. И пьеса «Вадим Новгородский» получилась у Княжнина совершенно революционной и скроенной по лучшим французским образцам, правда, на тогдашнем отечественном языке, который нами, после Пушкина, практически не воспринимается как поэтический. Но в год создания пьесу сочли даже новаторской, и она была совсем уже готова к постановке. Ей предрекали успех. Ее даже начали репетировать актеры. Тут-то и случилась Французская революция. Театральный проект был спешно свернут. Еще бы! В пьесе попадались весьма искрометные и опасные строки. Например, один из недовольных правлением Рюрика, Вигор, говорит умудренному годами и опытом Вадиму:

Как прежде, мы горим к отечеству любовью...

На что отважный Вадим со всей революционной страстью ему замечает:

Не словом, доказать то должно б – вашей кровью!
Священно слово то ль из ваших бросьте слов.
Или отечество быть может у рабов?

В той России, которую яростно защищала Екатерина перед своими французскими адресатами вроде Вольтера или Дидро, такое высказывание не могло пройти незамеченным. Императрица стремилась доказать, что условия жизни подневольного крестьянства за время ее царствования сильно изменились – и крестьянские ребяташки больше не бегают по снегу босиком, а даже носят валеночки и тулупчики, и избы стали строить не с бычьим пузырем в

окнах вместо стекол, а даже вполне застекленные и двухэтажные, – а тут Княжнин в открытую называет рабство – рабством! И не просто называет, а призывает к борьбе за свободы, которые прежде в Новгороде бытовали, потому что Рюрик, прибрав к рукам власть, обратил иноплеменное для него народонаселение в «людей второго сорта», а вольный Новгород – в город княжеский.

Право, какая оказия! Тут – и ослепленные блеском военных подвигов Рюрика сограждане, и законные претенденты на власть, униженные и обиженные заморским избранником престарелого Гостомысла, и горожане, которые организуют сопротивление. А вместо проявления верноподданнических чувств – полнейшая крамола и объявление, что трон Рюрика стоит над бездной, а княжеская и царская власть развращает самых достойных! Один из героев трагедии Княжнина так и говорит:

Сражай весь град, чтоб всех героев истребить;
Владей над мертвыми – или сойди со трона.

И происходит откровенный мятеж, с военными действиями. Однако Рюрик разбивает войско Вадима, и берет Вадима в плен, и выводит его, пленного, перед стоящим на коленях некогда свободным новгородским народом. Рюрик, по Княжнину, не злодей, и он готов отдать Вадиму власть, беда лишь, что Вадим желает видеть Новгород свободным городом, республикой, совсем не столицей княжества, а уставший от распрей народ согласен стоять и на коленях, лишь бы наконец-то наступили мир и покой. Герой Княжнина не вынес всеобщего унижения, примерного верноподданничества, добровольного обращения горожан в рабство, потому он закалывает себя кинжалом. «Свобода или смерть!» Иногда смерть – лучше несвободы.

Такое вот «благостное» призвание варягов! Такое вот рождение русской государственности! Прямо-таки плевок в сердце императрицы! Конечно, Екатерина, особенно в свете французских событий, простить подобного вольнодумства Княжнину не могла. Поэт попал в Тайную канцелярию, к недоброй славы Степану Шешковскому и там претерпел экзекуцию. Княжнин, как и его Вадим, унижения не пережил и вскоре после этого тяжело заболел и умер. В 1793 году Сенат постановил его трагедию сжечь (хотя в полной мере это осуществлено и не было). Но с легкой руки Княжнина этот эпизод новгородской истории прочно вошел в русскую литературу. К образу новгородского Вадима обратился поэт Жуковский и слепил на эту тему мистико-романтический текст. Пробовал живописать Вадима и двадцатитрехлетний Пушкин, даже сочинил весьма байроническое начало, сделав Вадима златокудрым и синеглазым славянином, но дело застопорилось. В дальнейшем, как у Княжнина, Пушкин собирался вложить в уста Вадима революционные лозунги, но его отвлекла работа над «Русланом и Людмилой», а потом наступил декабрь 1825 года...

Если учесть, что впервые летописный Рюрик появляется в 860 году, и появляется он как военный конунг новгородцев против викингов иного происхождения, в 862 году утверждается в Новгороде, а спустя два года против него организуется военное сопротивление, то вывод из ситуации вполне очевиден: пришлый князь захватил власть, посягнув на особенности новгородского управления.

Но что же Вадим? Неужто это летопись сообщила нам столько подробностей о новгородском бунте 864 года?

Увы! В тексте Никоновской летописи сказано буквально следующее: «В тот же год новгородцы оскорбились, говоря, что быть нам рабами и много зла претерпеть от Рюрика и всего его рода. В том же году Рюрик убил Вадима Храброго и истребил многих новгородцев,

его советников». А под 867 годом имеется сообщение, что сбежало от Рюрика из Новгорода много новгородских мужей. Вот и всё.

Если учесть, что впервые летописный Рюрик появляется в 860 году, и появляется он как военный конунг новгородцев против викингов иного происхождения, в 862 году утверждается в Новгороде, а спустя два года против него организуется военное сопротивление, то вывод из ситуации вполне очевиден: пришлый князь захватил власть, посягнув на особенности новгородского управления. Ключевский причину событий видит в следующем: «заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно». Ситуация для того времени стандартная: наемники нередко захватывали власть и провозглашали себя законными правителями. Но ведь был еще и народ! И народ привык пользоваться древним демократическим средством, а им было – вече. То есть, чуть что не так – и вперед, на средневековый Майдан. Геть, Рюрик, геть!

Зачинщик первого бунта

Гетькал Рюрика с трона Вадим Храбрый со своими советниками и оскорбившимися новгородцами. Имя «Вадим» наводило историков на самые разные мысли. Одни считали его иноземным и доказывающим, что Вадим был не славянином, а тоже каким-то викингом. Еще со времен Татищева была известна куцая родословная Вадима, и по ней он приходился кузенном Рюрику. Татищев возводил Вадима (как и Рюрика) в потомки местного князя Гостомысла, который и виновен был в призвании защитников-варягов. Другие думали, что Вадим – это просто испорченное «водим», то есть водитель войск, водила, воевода...

Воевода в противостоянии города и Рюрика, конечно, понятнее, особенно если учесть, что в том же году был казнен весь городской совет, а еще через пару лет новгородские большие люди всем коллективом бежали в Киев. Однако привычка летописцев писать имена князей вместе с их прозвищем (Ярослав Мудрый, Святополк Окаянный, Мстислав Удалой) известна хорошо, и Вадим Храбрый вполне этой схеме соответствует. А вот «воевода храбрый» как бы выходит за рамки традиции. В таком построении был бы не «вадим храбрый», а «храбрый *водим*».

А может быть, Вадим (сокращенная форма от имени Вадимир) – реальное дошедшее до нас имя, хотя и весьма неожиданное. Но не в имени дело. Дело – в самой коллизии.

Через два года после официального призвания варягов Новгород отвечает на это первым русским бунтом. И, скорее всего, весьма серьезным. И этот бунт подавляется крайне жестоко: по мнению историка 19 века Якова Орлова, на городской площади были казнены все участники восстания, а самому Вадиму Рюрик отрубил голову лично. Однако и жестокость не дает результата – волнения продолжаются. И длятся аж три года. Бегство в Киев – это, собственно, и есть окончание противостояния. Новгородская знать именно таким способом и в дальнейшем покидала город, если события складывались не в ее пользу. Бежать не могли только «меньшие люди», новгородская чернь, поскольку бедность не способствует хорошему самочувствию на чужбине. Так богатые граждане поступают и сегодня: бегут на Запад, где у них есть надежные банковские счета. А более бедным – тем приходится доказывать, что они имеют право на политическое убежище. Некоторым везет, некоторых высылают на родину, некоторые кончают так, как Саша Долматов, бежавший в Роттердам и погибший там при странных обстоятельствах в январе 2013 года.

Через два года после официального призвания варягов Новгород отвечает на это первым русским бунтом.

И, скорее всего, весьма серьезным. И этот бунт подавляется крайне жестоко: по мнению историка 19 века Якова Орлова, на городской площади были казнены все участники восстания, а самому Вадиму Рюрик отрубил голову лично.

А тот, кто не бежит, расплачивается за бунт – как правило, головой. Как Вадим и те, кто пошел за ним в славном городе Новгороде. Впрочем, стоп. Некоторые историки вопрошают: а вообще, был ли бунт и был ли Вадим?

Другие им вторят: а был ли тогда уже основан и сам Новгород? Старая Ладога – точно была. Но вот Новгород... Огромный торговый центр северных земель был построен позже. Как же так? Либо Новгород в данном контексте подразумевает всю Новгородскую землю, либо – проблема с летоисчислением. В «Повести временных лет» «новгородского эпизода» нет. Никоновская летопись относится уже в 16 веку – могли сместиться и даты, и географические названия. Неужели летописные записи о Вадиме и первой русской смуте – всего лишь легенда?

Не думаю. Как раз в этом случае легенда слишком похожа на правду. Никакого смысла упоминать это событие, да еще и в таком сжатом виде, не было. Ни для обоснования правомочности притязаний Рюрика на высшую власть, ни для обоснования древности новгородских свобод. В первом случае летописи превосходно справлялись с задачей без упоминания местных мятежников, во втором – новгородские свободы начинались с глобального поражения горожан. Именно бессмысленность попыток трактовать этот эпизод в пользу какой-либо из сторон и говорит за его истинность. Тем более что реальность смуты в Новгородской земле подтверждает и археология: на это время приходится находки многочисленных монетных кладов, а клады прятали именно в лихолетье.

Результаты первого бунта

Итак, что же могло произойти?

Известно, что Новгород возник из слияния нескольких мелких городищ, которые принадлежали разным этническим группам – словенам, мери и кривичам, что сохранилось в более позднем названии «городских концов» (говоря нынешним языком – городских районов). Изначально древний Новгород располагался на трех холмах: словенском Холме (Хольмгарде), Нереве (мереве) и Людине (с главной улицей Прусской), где жили кривичи. Город Новгород (Невогард), известный также как Хольмгард, был многонациональным и строился как торговый и ремесленный конгломерат и в качестве отдельных торговых и ремесленных поселений мог существовать задолго до летописного упоминания. Очевидно, последующее слияние этих «торговых точек» породило дикую борьбу за власть, которая прекратилась после появления военного предводителя, наемного князя (как у новгородцев практиковалось и много позже), который «наряжался» оборонять данную область от внешнего врага, о повадках которого он был превосходно осведомлен. И достаточно ясно, что наемный конунг воспользовался этим в собственных интересах – захватил власть и принялся строить собственную династию.

Местным племенным вождям это вряд ли могло понравиться. С ними были вполне солидарны их соплеменники, что и привело к изгнанию Рюрика и нескольким годам смуты. И, между прочим, несколькими годами смуты дело не ограничилось. Иначе после смерти Рюрика варяжским конунгам не пришлось бы срочно перебираться в тот самый Киев, в который прежде бежали новгородские «большие люди». Можно сказать, что мятежники князя Вадима или храброго воеводы с неизвестным именем победили варяжских гостей. Варяги были признаны только как военная власть, и полного самодержавия у них не получилось.

Князь и княжеская власть в свободном городе и по всей Новгородской земле так и не прижились. Таким образом, реакция на самодержавные устремления пришельцев привела к созданию особой феодальной формы правления, аналогов которой в Киевской Руси не существовало. В этом плане «новгородский Майдан» свою задачу выполнил. Новгородцы не желали стать рабами и показали, что покорить их так же, как соседние финноугорские племена, не получится, и князь вынужден был идти на компромисс и заключать договор на прежних условиях – как равный с равными.

Княжнин был к новгородцам несправедлив: они защитили свою свободу. До середины 10 века нога варяжских князей не ступала на мостовые Новгорода, а после – только с милостивого разрешения самих новгородцев. Кровь пролилась не напрасно.

Так что Княжнин был к новгородцам несправедлив: они защитили свою свободу. До середины 10 века нога варяжских князей не ступала на мостовые Новгорода, а после – только с милостивого разрешения самих новгородцев. Кровь пролилась не напрасно.

Что же касается самого Вадима, то о реальной личности предводителя восставших не известно ничего. Ни его происхождение, ни его возраст, ни его семейное положение. Одно только можно сказать не лукавя: он – первый крамольник на Руси. Но далеко не последний.

Год 945. Восстание в Искоростене

«Если повадится волк к овцам...»

От новгородского бунта ведут начало и все прочие бунты, успешные и неуспешные. Следующая «бунтовская» история была связана уже с киевскими землями. Эта история замечательно красиво изложена в «Повести временных лет». Действующими лицами этой драмы являются князь Игорь, его жена княгиня Ольга, «деревский» князь Мал и несчастные жители городка Искоростень. Но прежде, чем эту историю вспомнить, мне придется немного пояснить предшествовавшие ей события.

После смерти Рюрика наследником престола пока что не существовавшей страны считался его сын Игорь.

Был он несовершеннолетним, поэтому обязанности регента при нем исполнял Олег (или Олаф) – не то воспитатель княжича, не то его ближайший родственник, принявший титул конунга. Помыкавшись с непокорными новгородцами и, очевидно, не имея харизмы Рюрика, Олег решил отправиться в южные земли, куда уже отбыли Аскольд (Оскольд) и Дир, а также новгородские бояре. Скорее всего, речь шла о полном неповиновении сперва Рюрику, а затем и Олегу, которое затронуло не только местных новгородцев, но и часть наемников (Аскольд и Дир были в составе войска конунга, но самовольно его покинули, а бояре попросту боялись лишиться жизни, как мятежный Вадим со своими соратниками). Южный Киев, который принял изгнанников, по обычаям того времени должен был серьезно пострадать, тем более что и Аскольд с Диром, и богатые новгородские граждане неплохо там устроились – они взяли в свои руки киевскую власть. Так начался завоевательный поход на юг, знаменем которого стал малолетний Игорь.

Олег легко овладел Киевом, правил в нем, и после его смерти киевский стол перешел к уже немолодому князю Игорю, который при содействии Олега взял в жены девицу Ольгу (или Хельгу). Не то славянку, не то норманнку. Сначала Олег, а затем Игорь активно присоединяли к землям Киева, где проживало племенное объединение полян, земли соседних племен.

«Присоединение» – это слово, изобретенное историками, чтобы в обтекаемой форме сказать, что оба князя вели активные завоевательные походы против не желающих добровольно признать власть Киева соседей. Захватив земли соседнего племени, киевские князья требовали от покоренного князя полной покорности, признания вассальной зависимости и выплаты дани. Процесс управления и взимания дани выглядел так: целый год киевский князь с войском курсировал по всей покоренной территории, устраивая судопроизводство для решения местных споров и собирая дань. Такие поездки назывались *полюдьем*. Ав самом Киеве князь проводил не так уж много времени.

Покоренные, наверное, были не слишком довольны навязанным вассалитетом и, чуть князь их покидал, пробовали проводить самостоятельную политику, поэтому Киеву важно было хотя бы раз в год демонстрировать полное могущество. Периодически племена восставали, и тогда приходилось вести с ними войны и жестоко подавлять недовольных. В летописях этим событиям много слов не уделяется, но поскольку, «присоединив» какое-то племя однажды, князь бывал вынужден идти на присоединенных войной, и не один раз, то ясно, что бунт и недовольство стали явлениями обыденными. Обычно Киеву удавалось с мятежниками справиться. Только не в последний год жизни князя Игоря.

В «Повести временных лет» под 945 годом о смерти Игоря записано: «В тот год сказала дружина Игорю: „Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем,

князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам“. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад – поразмыслив, сказал своей дружине: „Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще“. И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: „Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит“. И послали к нему, говоря: „Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань“. И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени».

По отношению к киевскому князю Игорю мы имеем открытое противостояние всего городка Искоростеня, то есть мятеж. Иноземные хроники сообщают и более интересные подробности о смерти Игоря: он был взят в плен, привязан к согнутым стволам деревьев и разорван надвое. Убийство князя его подданными считалось чудовищным преступлением, высшим проявлением крамольного образа мыслей.

Итак, по отношению к киевскому князю Игорю мы имеем открытое противостояние всего городка Искоростеня, то есть мятеж. Иноземные хроники сообщают и более интересные подробности о смерти Игоря: он был взят в плен, привязан к согнутым стволам деревьев и разорван надвое. Убийство князя его подданными считалось чудовищным преступлением, высшим проявлением крамольного образа мыслей. Поэтому летопись рисует поход и гибель Игоря в общих чертах, но весьма живописно повествует о последующих действиях «осиротевшей» княгини Ольги. Очевидно, реакция княжеского Киева на преступление вассалов была показательной акцией устрашения. Известен этот летописный сюжет как «четыре мести княгини Ольги». И по этому тексту мы можем проследить характерные черты борьбы с крамолой в далеком 10 столетии.

Четыре правила борьбы с бунтами

Ольга совершила действия жуткие даже по меркам языческим. И провела свою акцию возмездия и устрашения в четыре этапа.

Якобы сначала реакции на мятеж вассалов с ее стороны не было, но, как только убийца киевского князя решил посвататься к ней, овдовевшей княгине, для отринувших смирение и покорность начался ад. Ольга проявила чудеса хитрости и лицемерия. Итак...

Месть 1

Древляне послали в Киев своих лучших мужей числом двадцать и пристали в ладье у Боричева, рядом с холмом, на котором стоял дворец Ольги. «И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: „Гости добрые пришли“. И ответили древляне: „Пришли, княгиня“. И сказала им Ольга: „Так говорите же, зачем пришли сюда?“ Ответили же древляне: „Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, – пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: „Любезна мне речь ваша – мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье», – и вознесут вас в ладье“, – и

отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним, и сказали: „Зовет вас Ольга для чести великой“. Они же ответили: „Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье“. И ответили киевляне: „Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя“, – и понесли их в ладье. Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и, как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: „Хороша ли вам честь?“ Они же ответили: „Горше нам Игорева смерти“. И повелела засыпать их живыми; и засыпали их».

Мало того что Ольга действует трезво, с холодным расчетом, она к тому же наносит мятежным древлянам страшную обиду – по тогдашним верованиям погибшие в плену от руки врага навсегда пребывают в рабстве.

Мало того что Ольга действует трезво, с холодным расчетом, она к тому же наносит мятежным древлянам страшную обиду – по тогдашним верованиям погибшие в плену от руки врага навсегда пребывают в рабстве. Историки считают, что, убив своих врагов таким способом, Ольга попросту имитировала языческий погребальный обряд, исключив из него только необходимую деталь – погребальный костер, без которого ритуал превращался в безжалостную казнь. И на этом она не остановилась.

Месть 2

Следующий ход нашей мстительницы был таков: она отправляет к древлянам посольство, а те ничего не знают о проведенной ею спецоперации. Послы передают слова своей госпожи: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И натопили баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

Историки пишут, что это уничтожение доверчивых древлян тоже было обставлено как имитация, но теперь уже – свадебного обряда. Но и на этом наша «гуманистка» не успокоилась.

Месть 3

Уничтожив лучших мужей своих врагов, княгиня послала к по-прежнему ничего не подозревавшим древлянам новое посольство со словами: «„Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже“. Они же, услышав об этом, свезли множество меда и заварили его. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: „Где дружина наша, которую послали за тобой?“ Она же ответила: „Идут за мною с дружиною мужа моего“. И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся».

Принеся таким образом своему убитому мужу достойную погребальную жертву, она спустя год после гибели князя отправилась покорять непокорных вассалов, что фантастическим образом не согласуется с христианской верой княгини (согласно летописи, крестилась

она только в 955 году, но, по другим данным, уже была крещеной и потом крестилась вторично).

Месть 4

Задача, которую она себе поставила, ясна: уничтожить всех, кто посягнул на власть Киева. С собой в эту карательную экспедицию она взяла малолетнего Святослава, потому что, по нормам того времени, отомстить убийцам обязательно должен сын убитого. Вот теперь намерения Ольги стали мятежным древлянам абсолютно понятны: они все равно погибнут, как погибли их лучшие люди. И древлянам не оставалось ничего, как выслать навстречу княгине свое войско. Но в первом же бою оно было разбито, древляне бежали и затворились в своих городах, а Ольга подошла к Искоростеню, который оборонялся стойко.

«И стояла Ольга все лето, и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: „До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода“. Древляне же ответили: „Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего“. Сказала же им Ольга, что-де „я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий – когда устроила тризну по своему мужу. Больше уже не хочу мстить – хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь“. Древляне же спросили: „Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха“. Она же сказала: „Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости“. Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: „Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти – идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город“. Древляне же с радостью вошли в город и повели обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись – где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань».

Дань была невероятно тяжела. Всем, кто мог поднять против киевской власти мятеж, было наглядно продемонстрировано, что любое крамольное действие будет наказано, и наказание будет во много раз страшнее злоумышления. Между прочим, четыре мести Ольги – это, по сути, четыре правила, которые со времен легендарной княгини власть неукоснительно применяла в борьбе с бунтовщиками.

Дань была невероятно тяжела. Всем, кто мог поднять против киевской власти мятеж, было наглядно продемонстрировано, что любое крамольное действие будет наказано, и наказание будет во много раз страшнее злоумышления. Между прочим, четыре мести Ольги – это, по сути, четыре правила, которые со времен легендарной княгини власть неукоснительно применяла в борьбе с бунтовщиками.

Правило первое: когда бунтовщики выдвинули свои требования, задержать переговорщиков и истребить.